

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОЭЗИЯ ПРЕДСИМВОЛИЗМА»

2—5 октября 2017 года состоялась Международная научная конференция «Поэзия предсимволизма», приуроченная к 200-летию А. К. Толстого и 180-летию К. К. Случевского. На филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, в Институте мировой литературы им. А. М. Горького и в Библиотеке истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева» прошли выступления и дискуссии исследователей, представлявших различные институты России, Израиля, США, Франции, Эстонии, Японии.

Сам факт проведения масштабной конференции по предсимволизму подтверждает нарастающий в нашей науке интерес к фигурам «второго ряда», а главное — к эпохам трансформации традиционных литературных парадигм. Это подтвердил уже первый доклад В. И. Мильдона (Москва), в котором русский предсимволизм был сопоставлен с итальянским Проторенессансом — и там, и там идея ценности индивида создает почву для ренессанса культуры. То, что в раннем символизме 1880-х — начала 1890-х годов существенную роль играет мотивно-образная система русской классической поэзии, активно идет процесс включения «чужого слова» в свой текст и его символизации, особо было подчеркнуто С. Д. Титаренко (Петербург). Е. Д. Толстая (Израиль) говорила о зарождении в лоне классики новой поэтики на примере тургеневского описания Венеции из романа «Накануне», где писатель предвосхитил ряд принципов импрессионизма: сгущен итальянский материал «претекстов» (Жорж Санд, Д. Рескин, гоголевский «Рим»), усилена субъективность, эпизод фонетически организован.

Закonomерно, что больше всего выступлений было посвящено таким «переходным» поэтам, идущим «против течения» эпохи, как А. К. Толстой, А. А. Фет, Вл. Соловьев и К. К. Случевский.

Формированию в личности А. К. Толстого конфликтующих психических состояний способствовали, по мнению В. А. Котельникова (Петербург), сложные семейные взаимоотношения матери, К. П. Толстого и А. А. Погорьеловского, что затем сказалось в резкой смене эмоциональных окрасок его мировосприятия, в попытках преодолеть внут-

ренние конфликты в актах творчества и в соприкосновении со сверхэмпирическими сферами. Философский диапазон представлений А. К. Толстого о сущности искусства и творчества анализировался в выступлении А. В. Федорова (Москва). В докладе С. И. Гиндина (Москва) «Чем был А. К. Толстой для молодого Брюсова: предсимволизм или свобода, эпос и здравомыслие? На материале статей и писем 90-х гг.» было показано, как значимость поэта для собственного творчества возрастала у Брюсова по мере того, как конституирование символизма уступало задачам нравственного и художественного самоопределения. Гипотеза о стихотворении Толстого «Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель...» как об одном из претекстов стихотворения Вяч. Иванова «Творчество» была предложена Л. Г. Каяниди (Смоленск), причем общая платоническая традиция воспринята Толстым сквозь призму немецкой классической философии. А. Г. Гачева (Москва) говорила о роли Толстого в сформировавшейся во второй половине 1910-х — начале 1920-х годов у философа и поэта А. К. Горского концепции воскресительного Эроса, о понимании им творчества Толстого как важнейшего этапа в движении русской литературы через символизм к «новому реализму», рассматривающему бытие в перспективе его преображения, к новым, литургическим формам искусства.

Не осталась вне поля зрения и толстовская юмористика. В. А. Кошелев (Арзамас) констатировал, что его шуточные стихотворения, в особенности написанные в общении с доктором А. И. Кривским (с 1868 года), не сводимы к поэтической «чепухе»: в них прослеживается мысль об абсурде самой действительности, постоянно посрамляющей рационалистически мыслящего субъекта. Ю. Д. Артамонова (Москва) продемонстрировала, как в «творчестве» Козьмы Пруткова обыгрываются современные Толстому и братьям Жемчужниковым европейские дискуссии о литературе: это помогает понять логику афоризмов и сверхзадачу пародийных пьес («Фантазия» и др.).

Разговор о А. А. Фете на конференции был начат наблюдениями В. А. Геронимуса

(Захарово-Вяземы) над процессом смены целостного пушкинского поэтического мира диффузным и иррациональным поэтическим миром Фета, в котором, как показали выступления Л. Л. Пильд (Тарту) и А. Г. Грек (Москва), музыка играет совершенно особую роль: музыкальность проявляется не только в песенности и мелодичности его стихов, но и в лексике, в образах «звучащего мира», в фонике (по типу анаграммы или в связи с акустическими свойствами доминирующих звуков), в грамматических повторах. М. Я. Вайскопф (Израиль) интерпретировал мировоззрение Фета как совмещение антагонистических начал: суицидальной тяги к саморазрушению, мотивируемой философией Шопенгауэра, и карьерно-прагматического упрочения земного положения. Эти полярные стремления — к небытию и бытию, отражая личные фобии (страх секса), порождают в лирике мотив недоовлеченности и незавершенности действия.

Подробно и многоаспектно говорилось на конференции и о творчестве К. К. Случевского. Тем не менее очевидны были три основные исследовательские стратегии.

Во-первых, анализ произведений поэта на фоне определенной литературной традиции. Так, В. Л. Корвин (Москва) для понимания смысла открытого финала мистерии Случевского «Элоа» и ее генезиса привлек к сопоставлению, кроме поэм Гете, Вины и Лермонтова, «Мессию» Ф. Г. Клопштока, «индийскую легенду» об Аллоа из романа Н. А. Полевого «Аббадонна» (1834) и ее стихотворную парافразу в поэме А. Д. Озерского «Элоа» (1839). Говоря о главном парадоксе книги «Песни из Уголка» (в заглавие вынесено название дома, но его поэтическое описание сведено к минимуму) как о закономерном итоге религиозно-философских умонастроений автора, Е. А. Тахо-Годи (Москва) подчеркивала, что специфика позиции автора ощутимей на фоне традиции — изображения «дома поэта» от Г. Р. Державина до М. А. Волошина.

Во-вторых, сопричастность Случевского будущим исканиям — и научным, и эстетическим. Т. Смородинская (США) поставила перед собой задачу продемонстрировать роль поэта в эволюции русского стихосложения, а также в обращении к темам грядущего XX века: психоанализ, экология, антимильтаризм, утопизм социализма. О подобных пророческих прозрениях говорилось и В. П. Троицким (Москва), проследившим истоки мотива ноосферы у Случевского на материалах антропологии (Д. Н. Анучин), натурфилософии (А. Гумбольдт) и философии (Плотин), и С. К. Казаковой (Москва), доказавшей, что изображение вымышленного автором музыкального инструмента в рассказе «Капитан Немо в России» в точности предвосхищает актуальные художественные идеи нового искусства XXI столетия: соединение науки, природы и традиций Востока.

В-третьих, интерпретация наследия Случевского сквозь призму литературной критики. Провокационно звучащие слова историка русской литературы кн. Д. П. Святополка-Мирского: «Поставить третьестепенного К. Случевского выше В. Соловьева» — стали заглавием доклада М. В. Ефимова (Выборг) о рецепции наследия Случевского в русском литературном зарубежье 1920-х годов. Восприятию А. К. Толстого, К. К. Случевского, К. Н. Льдова и Н. М. Минского эмигрантской критикой на материале документального фонда Иезуитской славянской библиотеки (г. Лион) было посвящено и выступление С. Гарциано (Франция).

В ходе конференции прозвучали доклады и о других более или менее известных представителях «поэзии безвременья». Среди последних — М. А. Хитрово (1837—1896), правнук М. Кутузова и зять А. К. Толстого, дипломат и поэт, славившийся своими эпиграммами и акrostихами. О. Л. Фетисенко (Петербург) широко представила парадигму его творчества, опровергнув тем самым мнение В. П. Буренина, квалифицировавшего лирику Хитрово как «повторение пройденного», и показав его принадлежность к поэзии предсимволизма. Основные модели взаимодействия поэтического и философского в наследии Вл. Соловьева были предметом внимания О. Н. Зотовой (Псков) и Е. Б. Рашковского (Москва), рассмотревшего соловьевскую поэтологию в общем русле его философии Всеединства. Навеванный чувством к Н. М. Дешевовой цикл стихов С. Я. Надсона анализировался Л. П. Безменовой (Москва) с целью выявления традиций, которым следовал поэт, разрабатывая мотив «любви к мертвой возлюбленной». Вагнеровский план творчества А. А. Голенищев-Кутузова, по мнению С. В. Савинкова (Воронеж), придал оригинальную окраску русской поэзии предсимволистской эпохи. В. В. Никольцевой (Москва) был произведен лингвотекстологический анализ стихотворений Игоря Северянина, посвященных К. М. Фофанову, выявлены ключевые слова, формирующие имидж «поэта-мученика». Г. М. Лесная (Москва) познакомила слушателей с поэзией украинского предсимволизма — с литературной группой львовских поэтов «Молодая Муза» (1906—1909). Говоря о жанре прозаической миниатюры (о так называемых «стихотворениях в прозе») в творчестве поэтов предсимволизма, Ю. Б. Орлицкий (Москва) указал на истоки этой формы (конец XVIII века) и ее развитие в поэзии тургеневской поры (Полонский, Жемчужников, Фруг, Фофанов, Голенищев-Кутузов, Льдов) и ранних символистов.

Восприятию предсимволизма поэтами-символистами были посвящены доклады «Декадентская метафизика: З. Гиппиус и тревожности конца века» Джонатана Стоуна (США), «Поэзия XIX века и пьеса Федора Сологуба „Заложники жизни“» Джейсона Меррилла (США). С. В. Сапожков (Москва) на

материале переписки Н. М. Минского и З. Н. Гиппиус обратился к вопросу о ранних моделях символистского жизнетворчества, о метафизике раннего символистского Эроса и проанализировал тот мировоззренческий конфликт, который зафиксировал и эпистолярный диалог двух равноправных «идеологических» оппонентов, и творчество обоих корреспондентов (лирика, повесть Гиппиус «Златоцвет» и драма Минского «Альма»).

Среди продолжателей предсимволизма были поэты, которым выпала участь жить и писать уже в постсимволистскую эпоху. В. Э. Молодяков (Япония) обратил внимание на развивавшиеся художественные открытия Фета Д. П. Шестакова (1869—1937), а А. В. Маньковский (Москва) — Н. Н. Полянского (1862—1938), сохранившего верность заветам фетовской школы и в советские годы.

Подводя итоги конференции и выражая общее впечатление участников, С. В. Сапожков выделил следующие перспективные векторы постижения проблемы «предсимволизма»: во-первых, «широкое» («от Жуковского до Чехова») и «узкое» (в рамках 1880—1890-х годов) понимание самого изучаемого явления и необходимость их сопряжения при исследовании; во-вторых, тенденция расширять персональную базу представителей поэзии конца века за счет включения в нее имен

поэтов второго и третьего ряда (актуальность самой проблемы «ранний символизм и массовая поэзия», самого процесса их сращивания как важного признака любой «пресистемы»); в-третьих, учет литературной критики как ценного источника в определении художественных критериев и границ изучаемого историко-литературного явления.

В ходе конференции состоялись две презентации. В. А. Котельников представил тома подготовленного в ИРЛИ РАН собрания сочинений А. К. Толстого и его основные эдичионные принципы. О первом томе библиографического словаря «Русские литературоведы XX века» рассказали главный редактор О. А. Клинг (Москва), составитель и заместитель главного редактора А. А. Холиков (Москва), директор издательства «Нестор-История» С. Е. Эрлих, а также авторы — Н. В. Корниенко (Москва), Д. С. Московская (Москва) и др. Культурная программа конференции включала экскурсию «Арбат Серебряного века» и концерт исполнивших романсы на стихи А. К. Толстого лауреатов международных конкурсов — солистки Новой Оперы О. Ионовой, солиста Геликон-оперы К. Бржинского, композитора и пианиста С. Чечётко.

© Е. А. Тахо-Годи

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-255-258

ШЕСТОЙ АГИОГРАФИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

6 декабря 2017 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялся Шестой агнографический семинар, организованный Отделом древнерусской литературы. На этот раз он был посвящен исследовательским и эдичионным вопросам, рассмотренным на материале русской гимнографии, и назывался «Проблемы изучения и издания гимнографических памятников».¹

Семинар открылся докладом Т. Б. Карбасовой (Санкт-Петербург) «К вопросу об атрибуции памятников в составе агнографического цикла», который был посвящен методам установления авторства в агнографиче-

ских текстах, созданных Пахომием Сербом. Чаще всего имя автора содержит канон — в надписании или в начальных буквах тропарей («акростишная подпись»). На основании тематического единства и общих чтений между каноном и стихирной частью службы, каноном и житием, каноном и похвальным словом можно атрибутировать Пахомию создание всего агнографического цикла. Эта атрибуция должна подтверждаться наличием общих чтений со всем корпусом пахомиевских текстов, и только тогда предположение об авторстве того или иного текста сербскому агнографу может считаться доказанным. Докладчица подробно рассмотрела агнографические циклы, созданные Пахომием Сербом для Михаила и Федора Черниговских, Варлаама Хутынского и митрополита Алексея.

Доклад С. А. Семячко (Санкт-Петербург) «К истории текста Службы Димитрию Прилуцкому» был посвящен весьма распространенному (много более ста списков), хорошо известному и практически неизученному гимнографическому памятнику. Это полная бденная служба с двумя канонами без акростихов. Опираясь на один из старейших ее

¹ Проблематика предыдущих семинаров отражена в хрониках: Семячко С. А. 1) Второй агнографический семинар // Русская литература. 2014. № 3. С. 256—259; 2) Третий агнографический семинар // Там же. 2015. № 3. С. 258—261; Галашева Т. Н. 1) Четвертый агнографический семинар // Там же. 2017. № 1. С. 254—257; 2) Пятый агнографический семинар // Там же. 2017. № 3. С. 275—277.